

ОЦЕНКА МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ: ВНЕШНОСТЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Е.А. Никитина

nalenka@yandex.ru

Институт психологии РАН (Москва, РФ)

Специально сконструированные дилеммы представляют собой один из наиболее широко распространенных инструментов для изучения морального развития. Однако, как показано И.И. Знаменской, И.М. Созиновой и Ю.И. Александровым (2016), несмотря на преимущества достаточно простой и легко подстраиваемой под конкретную задачу экспериментальной процедуры, данный подход имеет и серьезные ограничения.

В исследованиях Дж. Френкеля, Г.Кочанска и др. (Fraenkel 1981, Kochanska et al. 1996) обнаружено, что данные о связи между ответами респондентов в ходе самоотчетных методик и их поведением в реальных ситуациях весьма ненадежны. Выполненный В. Пенгом и Л. Хуашаном (2014) мета-анализ публикаций последних тридцати лет показал лишь слабую ($r=0,238$) корреляцию между моральными суждениями и поведением, при этом отрицательная связь с аморальным поведением не подтвердилась.

В последнее время большинство исследователей отходят от понимания морального выбора как чисто рационального процесса, предполагая вслед за Хайдтом (Haidt 2001) и Грином (Greene et al. 2004), что в принятии решения помимо когнитивной оценки присутствует и эмоциональная составляющая. Поскольку с утилитарной точки зрения жизнь пяти человек всегда дороже жизни одного, именно значимость и вариативность эмоциональных реакций респондентов лежит в основе разнообразия оценок моральных дилемм. При этом увеличению значимости эмоциональной составляющей способствует приближение ситуации принятия решения к более естественной, например, при использовании элементов виртуальной реальности (Patil et al. 2014).

Мы предположили, что допустимость причинения вреда человеку может быть связана с его внешней привлекательностью. Для проверки этой гипотезы был создан стимульный материал, включающий помимо текстового описания моральной дилеммы также и иллюстрацию к ней. С помощью программы Adobe Photoshop CC 2014 мы создали изображения, на которых крупным планом было показано лицо потенциальной жертвы, названное привлекательным или непривлекательным респондентами нашего предыдущего исследования (Никитина, 2012).

Из 30 дилемм, использованных в работах К.Р. Арутюновой, Ю.И.

Александрова (Arutyunova et al. 2013), мы выбрали 6 дилемм, образующих пары, различающиеся по параметрам действие/бездействие, намеренность/ненамеренность причинения вреда, наличие/отсутствие физического контакта с жертвой. При этом в двух парах - дилеммах 5 и 6, 15 и 16 (нумерация авторов сохранена) - нанесение вреда потенциальной жертве было лишь побочным результатом, а контакт с жертвой отсутствовал. В дилеммах 8 и 10 причинение вреда было намеренным, а также (в ситуации 8) присутствовал физический контакт с жертвой.

В исследовании приняли участие студенты психологических специальностей вузов Москвы, получающие первое или второе высшее образование, $N=64$. Им следовало по каждой иллюстрированной дилемме оценить допустимость причинения вреда человеку и коротко обосновать свое решение в письменном виде.

Затем тексты комментариев в зависимости от их содержания для дальнейшего анализа были отнесены к одной из 5 групп: «деонтологические» («Он убил ни в чем не виноватого человека»), «Нельзя убивать даже 1 ради других»), «относительно деонтологические» («Нарочно лишать кого-то жизни ради спасения других не есть гуд. Можно только в критических случаях»). «В данной ситуации жизнь одного стоит 5»), нейтральные («На самом деле это равноценный выбор: 5 пловцов и 1»), «Нельзя выбрать») «относительно утилитарные» («Ценна конечно каждая жизнь, но 5 важнее одной»). «Не совсем правильно, но пришлось выбрать в пользу большинства») и «однозначно утилитарные» («5 жизней важнее одной», «Он спасет больше людей» и пр.).

Всем комментариям были также присвоены коды по 2-м критериям – уход от решения дилеммы («Он мог сначала спасти человека, который в безопасности, а потом быстро спасти тех 5»), а также обвинение потенциальной жертвы («Это логично, а пострадавшие сами виноваты», «Скалолаз сам нарвался»). «Скалолазу следовало выбрать специальные места для данного вида спорта и не затруднять движение»).

Статистическая обработка результатов подтвердила, что оценка дилемм и полученные объяснения положительно коррелируют друг с другом (R о Спирмена = 0,578, $p < 0,001$). Однако значимых различий ни оценок, ни их объяснений для привлекательных и непривлекательных «жертв» не обнаружено. В целом по всему стимульному материалу показано, что ответы-обвинения значимо чаще даются для непривлекательных людей ($p < 0,01$), а уход от решения дилеммы чаще встречается при оценках ситуаций с причинением вреда привлекательному человеку ($p < 0,05$).

Дальнейший анализ показал, что предлагаемые нами респондентам дилеммы разделились на 2 группы по фактору намеренности причинения вреда. В дилеммах 5, 6, 15, 16, в которых вред оказывается побоч-

ным результатом решения проблемы, средние оценки допустимости оказываются несколько выше, если потенциальная жертва привлекательна ($p=0,042$). Для дилемм 8 и 10 ситуация обратная – намеренное действие, которое может причинить вред более привлекательному человеку, оценивается респондентами как менее допустимое ($p=0,023$).

Таким образом, с одной стороны, респонденты делают выбор в пользу меньшей допустимости причинения вреда привлекательным людям, что особенно явно проявляется в ситуациях с намеренным нанесением вреда и минимальными возможностями спасения для жертвы. С другой стороны, привлекательность ассоциируется с более высокими физическими качествами, а значит и со способностью справиться с угрожающими жизни обстоятельствами (выплыть из-под волны, не сорваться со скалы) что подтверждается соответствующими комментариями респондентов. Непривлекательная жертва чаще называется виновником своих проблем.

Знаменская И. И., Созинова И. М., Александров Ю. И. 2016. Моральные дилеммы как инструмент психологического исследования. В сб.: *Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований*. Отв. ред. В.А. Барабанщиков. Москва, 741-747.

Никитина Е. А. 2012. Представления о соматическом здоровье, личностных качествах и привлекательности при восприятии лиц. В кн. *Психологические проблемы современного российского общества*. Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «ИП РАН», 432 – 454.

Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Znakov V. V., Hauser M. D. 2013. Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity. *Journal of Cognition and Culture* 13(3-4), 255-285.

Fraenkel J. R. 1981. *The Relationship between Moral Thought and Moral Action: Implications for Social Studies Education*. *Theory and Research in Social Education* 9, 39-54.

Greene J. D. Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M. 2004. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron* 44(2), 389-400.

Haidt J. 2001. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review* 108(4), 814-834.

Kochanska G., Padavich D. L., Koenig A. L. 1996. Children's narratives about hypothetical moral dilemmas and objective measures of their conscience: mutual relations and socialization antecedents. *Child Development* 67, 1420–1436.

Patil I., Cogoni C., Zangrando N., Chittaro L., Silani G. 2014. Affective basis of judgment-behavior discrepancy in virtual experiences of moral dilemmas. *Social Neuroscience* 9, 94-107.

Peng W., Huashan L. 2014. Association between Moral Reasoning and Moral Behavior: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Acta Psychologica Sinica* 46(8), 1192-1207.